

DOI: 10.15372/HSS20180414
УДК 070 + 94(47)"1880/1900"

А.А. СТАРЫШКИНА

**ЭГО-ДОКУМЕНТЫ Л.Я. ГУРЕВИЧ КАК ИСТОЧНИК
ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ БОРЬБЫ ЗА ЛИДЕРСТВО В РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ
КОНЦА XIX в.***

Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8

Статья основана на эго-документах издательницы журнала «Северный Вестник» Л.Я. Гуревич. Автор статьи подвергает деконструкции представленный в них образ философа, литературного и театрального критика, «борца за идеализм» А.Л. Волынского, подчеркивает, что Л.Я. Гуревич акцентирует внимание читателей на интеллектуальной и моральной составляющей характеристики Волынского. В своих воспоминаниях она представляет А.Л. Волынского в качестве выдающегося интеллектуала, своего наставника первых лет журналистской деятельности и лидера, которому так и не удалось стать интеллектуальным вожакom всего российского читательского мира. Помимо опубликованных источников используются письма Л.Я. Гуревич, Я.Г. Гуревича и А.Л. Волынского, хранящиеся в фонде Л.Я. Гуревич в РГАЛИ.

Ключевые слова: эго-документы, интеллектуальный лидер, Л. Я. Гуревич, А. Л. Волынский, профессиональное сообщество журналистов, литераторы.

A.A. STARYSHKINA

**L. GUREVICH'S EGO-DOCUMENTS AS A SOURCE TO STUDY THE STRUGGLE
FOR LEADERSHIP OF THE RUSSIAN JOURNALISM IN THE LATE XIX CENTURY**

Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation

The article is written in the framework of the research area of intellectual history. The author deconstructs the image of Akim Volynsky, a philosopher, literary and theatrical critic, “fighter for idealism”, presented in ego-texts by L.Ya. Gurevich, a publisher of “Severnny Vestnik (The Northern Herald)”.

Gurevich creates his image as an intellectual, highlighting the following features: philosophical education, merciless mind, and ascetic way of life. Lubov' Gurevich describes Volynsky as a demiurge who formed her personality, put her on firm ground, and disclosed a purpose in life. She describes Volynsky in her memoirs as an indisputable intellectual, her mentor at her early professional activity, and a leader who failed to become an intellectual mastermind for the whole Russian reading audience. Probably, Gurevich wanted to create the image of Volynsky, which she considered necessary to preserve in history.

Gurevich regarded the debates in press between Akim Volynsky and Nikolay Mikhailovsky as a battle for the future of the Russian literature. The confrontation between the two journalists had seriously harmed Volynsky's reputation. It should be noted that both Volynsky's critical articles and his conflict with Mikhailovsky, “a thought leader” in Alexandra Davydova's salon, divided the adherents of these two literary figures into various literary salons and worldviews camps.

Initially, A. Volynsky and A. Davydova's salon were a guide in “the world of young literature” for L. Gurevich. After the final break of A. Volynsky, the editor of “Severnny Vestnik”, with N. Mikhailovsky, the journal editorial board at first became the center of the circle of Volynsky's supporters, and then this role was played by jour fixe organized by L. Gurevich. Besides published sources, the author used letters by Lubov' Gurevich, Yakov Gurevich and Akim Volynsky stored in Gurevich's fond at the Russian State Archive of Literature and Art.

Key words: ego-documents, intellectual leader, Lubov' Gurevich, Akim Volynsky, professional community of journalists.

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00094а.

Анастасия Андреевна Старышкина – аспирант Института истории СО РАН, e-mail: staryshkina@mail.ru.
Anastasia S. Staryshkina – postgraduate student, Institute of History SB RAS.

Журналисты в Российской империи представляли собой формирующееся профессиональное сообщество со сложной системой внутренних взаимосвязей и признаками сложившейся иерархической структуры. Сотрудники периодической печати образовывали различные объединения, возникавшие, как правило, вокруг влиятельных периодических изданий того времени. Во главе этих групп обычно стояли редакторы или издатели, которые часто являлись не только лидерами журналистского сообщества, но и выдающимися интеллектуалами.

Исследование такой проблематики относится к сфере интеллектуальной истории. Данное направление исторической мысли занимается историей не только идей, но и интеллектуальных сообществ, отдельных персон [1].

Главные герои этой статьи – Аким Львович Волинский (настоящая фамилия Флексер) и Любовь Яковлевна Гуревич. В дореволюционное время А.Л. Волинского критиковали М.А. Протопопов, Г.В. Плеханов¹, С.А. Венгеров, в какой-то период Максим Горький², при этом тепло о нем отзывавшийся в 1890-х гг. [2; 3]. Прямое воздействие на тон статей Д.С. Мережковского о Волинском оказывали дружба и вражда с ним [4]. С восторгом писал о Волинском Н.Г. Молоствов [5]. В советской России преобладали негативные оценки А.Л. Волинского [6; 7; 8].

Современный этап изучения жизни и деятельности А.Л. Волинского характеризуется переосмыслением его вклада в отечественную культуру. А.В. Быков выясняет, почему творчество А.Л. Волинского-критика непопулярно и неизвестно широкой публике³, а также изучает трактовку критиком творческого наследия Ф.М. Достоевского [9]. А.В. Котельников занимается интерпретацией работ Волинского с позиций развития религиозно-философской мысли и философии культуры⁴ [10]. И.И. Пименова ставила цель – «реконструировать и выявить основные аспекты содержания мировоззрения А.Л. Волинского в историческом контексте конца 1880-х – начала XX в.» [11]. Е.Д. Толстая рассказывает историю жизни Волинского, конструируя повествование вокруг взаимоотношений Акима Львовича со знаковыми фигурами его творчества.

Главным источником для нашей статьи являются воспоминания [12] и письма Л.Я. Гуревич⁵. Задача настоящей работы – охарактеризовать эго-документы Л.Я. Гуревич как

источник для изучения борьбы за лидерство в русской журналистике конца XIX в., а также выявить влияние, оказанное этой борьбой на самоидентификацию издательницы «Северного Вестника» и коммуникативные практики внутри профессионального сообщества журналистов.

Обычно фигура Л.Я. Гуревич исследуется в контексте истории данного журнала⁶. Очень высоко ее оценивает Стэнли Рабинович [13; 14], называя ее «возможно, важнейшей журналисткой в русской истории, сыгравшей ключевую роль в росте влияния раннего русского модернизма» [13. с. 235]. Пишут о ней и в работах, посвященных борьбе женщин за свои права в конце XIX – начала XX в. [15].

Любовь Яковлевна – действительно чрезвычайно яркая личность, которая умела жить, гореть идеями и жертвовать всем ради достижения желанной цели. Центром почти всех воспоминаний Гуревич является издававшийся и редактировавшийся ею «Северный Вестник», а также связанные с ним люди. И если «Северный Вестник» был делом жизни Любви Гуревич, то главным мужчиной в ее биографии являлся А.Л. Волинский.

Их первая встреча произошла в 1887 г. в доме будущей издательницы журнала «Мир Божий» А.А. Давыдовой. Эта встреча описывается Любовью Яковлевной как поворотный пункт в ее жизни. Именно этим знакомством заканчивается первый отдел воспоминаний, в котором Л.Я. Гуревич описывает состояние «до А.Л. Волинского»: детство, раннюю юность, метания – интеллектуальные, творческие, религиозные. Гуревич противопоставляет себя Волинскому, когда описывает свое состояние в момент знакомства: «Он казался весь собранным и направленным к одной определенной цели, а о себе я писала <...>: “Неизвестность цели душит меня... Я хочу стать на твердую почву”» [12, с. 143]. Осуществить эту важную задачу ей помог Аким Львович: «Во мне шла огромная работа не только умственная, но и психическая – переплавка характера, и он содействовал ей, смиряя мое нелепое юношеское самомнение, предъявляя мне суровые требования, заставляя сознательно передумывать многое и открывая новые философские горизонты» [12, с. 144]. Интересно, что в рассказе об изменениях, происходивших в ней благодаря Волинскому, он выступает в роли demiurга, сформировавшего ее личность, в роли ее интеллектуального лидера, ее наставника, направившего мысль в нужное русло. Со встречи с А.Л. Волинским Л.Я. Гуревич начинает отсчет своей «деятельной жизни».

До самого закрытия «Северного Вестника» Л.Я. Гуревич практически не отделяет себя от Акима Волинского. В письме к писательнице Л.И. Микучиц она признается, что ее с Волинским главная цель, «дело общее, идея, которая огнем жжет всю мою внутреннюю жизнь, – мысль повернуть взгляды людей внутрь и помочь им найти <...> то спасение, которого не дает никакая внешняя культура – эта идея, эта

¹ Плеханов Г.В. Сочинения. М.; Пг., 1922. Т. X. URL: http://az.lib.ru/p/plehanow_g_w/text_0070.shtml (дата обращения: 10.07.2018).

² Горький и русская журналистика начала XX века. Неизданная переписка. Литературное наследство. М., 1988. Т. 95. URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0460.shtml (дата обращения: 10.07.2018).

³ Быков А. В. Интерпретация русской критики и литературы в работах А. Л. Волинского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2004. URL: <http://cheloveknauka.com/interpretatsiya-russkoy-kritiki-i-literatury-v-rabotah-a-l-volynskogo> (дата обращения: 10.07.2018).

⁴ Котельников А.В. Спиноза и становление русского религиозно-философского модернизма (Аким Волинский как наследник и критик Спинозы) // Вопросы философии. 2015. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1220&Itemid=52 (дата обращения: 10.07.2018).

⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), Ф. 131. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–5; Д. 43. Л. 5; Д. 64. Л. 1–10.

⁶ Гречишкин С.С. Архив Л.Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. Л., 1978. URL: http://az.lib.ru/g/gurewicz_l_j/text_0020.shtml (дата обращения: 23.04.2017); Гулич Е.А. Роль Л.Я. Гуревич в эволюции журнала «Северный Вестник». URL: http://nauka.hnpu.edu.ua/sites/default/files/fahovi%20vudannia/2010/literaturoznavstvo63_3_1/10.html (дата обращения: 23.04.2017).

мысль тоже общая»⁷. Наличие этой идеи у Волынского, следуя которой возможно добиться «настоящей свободы», является одной из главных черт его образа в воспоминаниях и письмах Л.Я. Гуревич.

Первые же строки, написанные ею об А.Л. Волынском в воспоминаниях, создают образ интеллектуала: «Волынский <...> сразу внушил мне особенное уважение своей философской образованностью, беспощадным умом, равнодушием ко всему житейскому, суровым, аскетическим образом жизни» [13, с. 143]. В письме к Микулич она цитирует слова Л.Н. Толстого, который, как она считала, единственный понял, что «Волынский – человек с совершенно определенным, цельным, продуманным убеждением в душе»⁸.

Рассказ Л.Я. Гуревич об их общем деле, о журнале, об А.Л. Волынском пронизан религиозной риторикой. С Волынским она соединена «общим символом веры», в критических статьях в «Северном Вестнике» Аким Львович выражал «их общую святыню», а люди, его поносящие, «тушат своею грязью тот огонь, который горит» на ее «алтаре»⁹. О Волынском она говорит, как о святом-мученике: «он живет только в духе и только в Боге, стоически перенося все жизненные испытания и невзгоды»¹⁰. Любопытно, что К.Д. Федин подчеркивает, что у Волынского «нет биографии, у него – житие» [16, с. 29]. Хотя, по мнению Е.Д. Толстой, религиозным человеком Волынский не был: вначале бежав от иудаизма, он так и не смог прийти к христианству, что не мешало ему проповедовать необходимость религии – «универсальной и вечной, <...> способной спасти и пересоздать современное общество» [12, с. 134].

Л.Я. Гуревич вспоминает, что еще «до Волынского» она размышляла: «внешняя свобода не имеет цены без “свободы внутренней”. <...> Общественная работа в то время, когда “современное общество не уяснило себе основных вопросов религии, нравственности, искусства”, представлялась мне бесплодной» [12, с. 142]. Она критиковала «тенденциозную литературу», любила тех же авторов, которых после возносил Волынский, и ругала тех же публицистов, которых он потом подверг разгрому. При этом Гуревич считала, что «эти мысли и настроения “уже носились в воздухе”, ибо все мои друзья того времени, мои сверстники, в общем разделяли мой образ мыслей, хотя и в нашей гимназии были представлены иные течения мысли» [12, с. 142]. Л.Я. Гуревич таким образом подчеркивает свою духовную близость с А.Л. Волынским. После описания, по ее выражению, «настоящих людей 80-х», которые «должны будут чувствовать себя одинокими и должны будут работать за десятилетия, чтобы отстоять свою любимую идею», идет их первое противопоставление людям другого поколения, к которому она относит Н.К. Михайловского [12, с. 142]. Идея противостояния двух поколений красной нитью пронизывает конфликт А.Л. Волынского и Н.К. Михайловского.

К.А. Федин отмечает, что живи А.Л. Волынский «тремя, пятью веками раньше нашего времени, он оставил бы после себя громадное идейное движение, десятки учеников, тыся-

чи последователей» [16, с. 29]. Аким Львович одно время был любимцем молодого поколения и молодых литераторов. Однако ревность Н.К. Михайловского, привыкшего быть духовным вождем молодежи, относительно преклонения молодого поколения перед А.Л. Волынским упоминается только сторонниками последнего.

Волынский и Гуревич стремились переломить ситуацию в русской критике, которая требовала от искусства служения обществу, соответствия политической повестке дня. По словам Е.Д. Толстой, «атака Волынского на Михайловского была первым его наступлением на позитивизм в литературе – и встретила такую же отповедь» [17, с. 67].

Разгоревшийся конфликт нанес серьезный ущерб репутации Волынского как редактора и критика. Начиная с 1891 г., А.Л. Волынский вступает в литературную полемику с Н.К. Михайловским [12, с. 145]. Для Гуревич это была война за будущее русской литературы. Шквал критики обрушился на А.Л. Волынского со всех сторон. Львиную долю этого потока почувствовала на себе и Любовь Яковлевна. Все недовольные Акимом Львовичем считали нужным уведомить об этом издательницу и редактора журнала, в котором он публиковал свои статьи.

Можно сказать, что в 1890-х гг. вокруг наследия шестидесятников и личности Н.К. Михайловского, являвшегося, по выражению журналистки А.В. Тырковой, «последним из могикан», развернулись «войны памяти». Л.П. Репина считает, что «образы прошлого, составляющие важную часть коллективной идентичности, могут служить легитимации существующего порядка, выполняя функцию позитивной социальной ориентации, или же, наоборот, противопоставлять ему идеал утраченного “золотого века”» [18, с. 8]. Таким идеалом являлись 1860-е гг. По мнению Н.Н. Родигиной и Т.А. Сабуровой, «образ “святых шестидесятых” становится “местом памяти” для нового поколения» [19, с. 155]. Подобные мифы коллективной памяти поддерживали претензии интеллигенции и профессиональной группы журналистов на высокий статус, и, как всем подобным мифам, им была свойственна стереотипизация. Следствием этого была нетерпимость к каким-либо альтернативам и тем более к плюрализму мнений. В результате в обществе существовало непримиримое отношение к любым попыткам ниспровергать устоявшиеся авторитеты. Поэтому даже малейшая критика 1860-х гг. и деятелей этой эпохи могла вызвать яростный отпор.

Негодование по поводу тона критических статей Волынского высказывал и Я.Г. Гуревич – отец издательницы. Его возмущала материальная сторона вопроса, ведь он часто помогал Л.Я. Гуревич деньгами, а нападки А.Л. Волынского на шестидесятников негативно влияли на подписку, и, следовательно, на финансовое положение журнала. Отец Любови Яковлевны восклицал: «Мало, видно, до сих пор было нападков на этот журнал, мало еще Буренин издевался над Флексером и вообще над редакцией Северного Вестника и над журналом!»¹¹. В другом письме он упрекает Волынского в использовании «буренинских приемов», что «не идет серьезному журналисту»¹².

⁷ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 64. Л. 1–2.

⁸ Там же. Л. 3.

⁹ Там же. Л. 2, 3, 7, 10.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 114. Л. 145.

¹² Там же. Л. 159.

Л.Я. Гуревич глубоко лично воспринимала негативные оценки А.Л. Волынского в прессе, о чем свидетельствуют и ее чрезвычайно эмоциональные письма, и ее воспоминания. Она оспаривает точку зрения многих современников о своем друге, согласно которой он был лживым, лицемерным трусом, а главное, по мнению С.А. Венгерова, умел только разрушать, не создавая ничего нового [2, с. 311]. В своих эго-документах Л.Я. Гуревич конструирует противоположный образ А.Л. Волынского. В письмах она настаивает, что он – один из тех немногих, которые совершают «подвиги», «чистые поступки» и «пламенные деяния убежденных людей»¹³. В отличие от своих современников, он – человек с «божественным огнем в душе», «с совершенно определенным, цельным, продуманным убеждением». Гуревич не раз подчеркивалась «цельность и глубина его мировоззрения, ясность и твердость его принципов», а дело Волынского, по ее мнению, «вдохновлено чистым стремлением и любовью к правде»¹⁴.

Если верить Э. Голлербаху, Волынский думал, что мог изменить сложившуюся ситуацию, но сам этого не хотел [20, с. 21]. К Акимову Волынскому в конце 1890-х гг. очень тепло относился Максим Горький, о чем свидетельствует тон писем знаменитого писателя: «Письма Горького могли бы изменить мою репутацию “отверженного критика”, но я не стану их печатать, – за меня должны говорить мои собственные дела, а не письма знаменитых людей» [20, с. 21]. В целом образ «отверженного критика» А.Л. Волынский, судя по всему, поддерживал и даже способствовал его появлению. Он критиковал не только идейных противников, но и союзников. Подобная тактика объясняется принципиальным неприятием Акимом Львовичем любых союзов, что вслед за ним исповедовала в то время Л.Я. Гуревич.

Конфликт А.Л. Волынского с Н.К. Михайловским разделил представителей их поколения буквально в пространстве. Если поначалу и те, и другие были всегдашними дома А.А. Давыдовой, то с началом полемических статей Волынского из этого салона уходит молодая литература. Поэтому, хотя в первое время для Л.Я. Гуревич проводником в гостиные писателей новой формации стала А.А. Давыдова, то после ее сменил А.Л. Волынский, который и ввел журналистку в дома многих своих знакомых. Несмотря на проповедь «разъединения», Гуревич было необходимо, как издательнице и редактору, общаться с потенциальными авторами ее журнала. Постепенно центром социальных взаимодействий литературного круга, поддерживавшего «Северный Вестник», стала редакция журнала, а затем и журфиски Любови Яковлевны, которые она решила открыть у себя по субботам. В итоге уже сама Гуревич стала неким связующим звеном в цепи мира литературы и журналистики, которые тогда были до конца еще не разделены.

Таким образом, А.Л. Волынский в воспоминаниях и письмах Л.Я. Гуревич наделяется рядом качеств, которые характеризуют его как интеллектуала, искреннего, смелого и очень терпеливого человека, жившего своей идеей. Издательница конструирует и собственный образ, отталкиваясь

от объединяющей их с Акимом Львовичем цели, мыслей о благе общества и литературы. А.Л. Волынский в эго-документах Л.Я. Гуревич выступает ее создателем, выдающимся интеллектуалом и отверженным лидером, одиноком своей правдой. При этом если литературным миром признание Волынского вождем не состоялось, то для Гуревич – это изначально свершившийся, само собой разумеющийся факт. Он стал ее интеллектуальным лидером, ее учителем с первого взгляда. Если сначала ему удалось сплотить вокруг себя и журнала все то, что было ново и молодо в литературе, то позже он не смог удержать своих позиций. Произошло это в том числе из-за критики Волынским молодых писателей. Воспоминания и письма Л.Я. Гуревич, возможно, служат цели создания позитивного образа А.Л. Волынского, который должен был остаться в памяти последующих поколений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 559 с.
2. Протопопов М. Критик-декадент (А.Л. Волынский) // М. Протопопов. Критические статьи. М.: Изд. С. Скримунта, 1902. С. 464–500.
3. Венгеров С.А. А. Волынский // Русская литература XX века. 1890–1910 / под. ред. С.А. Венгерова. М.: Республика, 2004. С. 310–318.
4. Мережковский Д.С. О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы. СПб.: Типо-литография Б.М. Вольфа, 1893. 192 с.
5. Молоствов Н.Г. Борей за идеализм. (А.Л. Волынский). СПб.: Типография П. П. Сойкина, 1903. 396 л.
6. Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Журналы раннего символизма // В. Евгеньев-Максимов, Д. Максимов. Из прошлого русской журналистики. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1930. С. 85–128.
7. Браудо Е. А.Л. Волынский. Н.С. Лесков // Жизнь искусства. 1923. № 37. С. 25.
8. Куприяновский П.А. Волынский–критик (литературно-эстетическая позиция в 90-е годы) // Творчество писателя и литературный процесс. Иваново: ИГУ, 1978. С. 49–77.
9. Быков А.В. Образ Кириллова в интерпретации А.Л. Волынского (из истории восприятия романа Ф.М. Достоевского «Бесы») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2 ч. Ч. II. С. 45–48.
10. Котельников В.А. Воинствующий идеалист Аким Волынский // Русская литература. 2006. № 1. С. 20–75.
11. Пименова И.И. Становление и развитие мировоззрения А. Л. Волынского: (1880-е – начало 1900-х гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013. 22 с.
12. Гуревич Л.Я. История Северного Вестника // Русская литература XX века. 1890–1910 / под. ред. С.А. Венгерова. М.: Республика, 2004. С. 141–159.
13. Rabinowitz S.J. Gurevich Liubov' Iakovlevna // Dictionary of Russian Women Writers / ed. by M. Rosenthal, M. Zirin. Westport, CT: Greenwood press, 1994. P. 235–238.
14. Rabinowitz S.J. No Room of Her Own: The Early Life and Career of Liubov Gurevich // The Russian Review. Vol. 57, N 2. 1998, P. 236–252.
15. Ruthchild R.G. Writing for Their Rights: Four Feminist Journalists: Mariia Chekhova, Liubov' Gurevich, Mariia Pokrovskaja, and Ariadna Tyrkova // An Improper Profession: Women, Gender and Journalism in Late Imperial Russia / ed. by B.T. Norton, J.M. Gheith. Durham; London: Duke University Press, 2001. P. 167–195.

¹³ РГАЛИ. Ф. 131. Оп. 1. Д. 64. Л. 2.

¹⁴ Там же. Л. 4.

16. Федин К.Д. Аким Львович Волинский // Памяти Акима Львовича Волинского. Л.: Издание В.С.П., 1928. С. 29–31.
17. Толстая Е.Д. Бедный рыцарь: Интеллектуальное странствие Акима Волинского. М.: Иерусалим: Гешарим, 2013. 631 с.
18. Репина Л.П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / под ред. Л. П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 3–37.
19. Родигина Н.Н., Сабурова Т.А. Поколенческое измерение социокультурной истории России XIX в.: преемственность и разрывы // Диалог со временем. 2011. № 34. С. 138–157.
20. Голлербах Э. Жизнь А.Л. Волинского. // Памяти А.Л. Волинского. Л.: Изд. В.С.П., 1928. С. 11–28.

REFERENCES

1. Repina L.P. The historical science at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practices. Moscow, 2011, 559 p. (In Russ.)
2. Protopopov M. Decadent Critic (A. L. Volynsky). *Protopopov M. Kriticheskie stat'i*. Moscow, 1902, pp. 464–500. (In Russ.)
3. Vengerov S.A. A. Volynsky. *Russkaya literatura XX veka. 1890–1910*. Moscow, 2004, pp. 310–318. (In Russ.)
4. Merezkovsky D.S. The causes of the decline and new trends of the contemporary Russian literature. Saint Petersburg, 1893, 192 p. (In Russ.)
5. Molostvov N.G. A fighter for idealism (A. L. Volynsky). Saint Petersburg, 1903, 396 p. (In Russ.)
6. Evgen'ev-Maksimov V., Maksimov D. Journals of early symbolism. *Iz proshlogo russkoy zhurnalistiki*. Leningrad, 1930, pp. 85–128. (In Russ.)
7. Braudo E. A. L. Volynsky. N. S. Leskov. *Zhizn' iskusstva*. 1923, no. 37, p. 25. (In Russ.)
8. Kupriyanovsky P.A. Volynsky – a critic (literature-aesthetic position in the 1890s). *Tvorchestvo pisatelya i literaturnyy protsess*. Ivanovo, 1978, pp. 49–77. (In Russ.)
9. Bykov A.V. The image of Kirillov in A. L. Volynsky's interpretation (on perception of novel "Demons" by F.M. Dostoevsky). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2013, no. 3, pt. 2, pp. 45–48. (In Russ.)
10. Kotelnikov V.A. Akim Volynsky, a belligerent idealist. *Russkaya literatura*. 2006, no. 1, pp. 20–75. (In Russ.)
11. Pimenova I.I. The worldview formation and development of A. L. Volynsky (1880s – early 1900s): diss. abstr. Moscow, 2013, 22 p. (In Russ.)
12. Gurevich L.I. The History of "Severnny Vestnik". *Russkaya literatura XX veka. 1890–1910*. Moscow, 2014, pp. 141–159. (In Russ.)
13. Rabinowitz S.J. Gurevich Liubov' Iakovlevna. *Dictionary of Russian women writers*. Westport, 1994, pp. 235–238.
14. Rabinowitz S.J. No room of her own: the early life and career of Liubov Gurevich. *The Russian Review*. 1998, vol. 57, no. 2, pp. 236–252.
15. Ruthchild R.G. Writing for their rights: four feminist journalists: Mariya Chekhova, Liubov' Gurevich, Mariya Pokrovskaya, and Ariadna Tyrkova. An improper profession: women, gender and journalism in late Imperial Russia. Durham; London, 2001, pp. 167–195.
16. Fedin K.D. Akim L'vovich Volynsky. *Pamyati Akima L'vovicha Volynskogo*. Leningrad, 1928, pp. 29–31. (In Russ.)
17. Tolstaya E.D. The poor knights: intellectual journey by Akim Volynsky. Moscow, 2013m 631 p. (In Russ.)
18. Repina L.P. The experience of social crisis in the historical memory. *Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoy pamyati*. Moscow, 2012, pp. 3–37. (In Russ.)
19. Rodigina N.N., Saburova T.A. Generations in the social and cultural history of Russia in the XIX century: continuity and breaks. *Dialog so vremenem*. 2011, no. 34, pp. 138–157. (In Russ.)
20. Gollerbugh E. Life of A. L. Volynsky. *Pamyati A.L. Volynskogo*. Leningrad, 1928, pp. 11–28. (In Russ.)

Статья принята
редакцией 18.09.2018